

Владимир Чураков
(Ижевск)

ОБЗОР ЭТИМОЛОГИЙ УДМУРТСКИХ СЛОВ *ВОРШУД, МУДОР, ДЭМДОР*

Практически в любой историко-этнографической работе, посвященной удмуртам, читатель сталкивается с вышеприведенными удмуртскими словами, значение которых исследователями трактуется, порою, совершенно различно. Учитывая же ту исключительную роль, которую играют явления, обозначаемые терминами *воршуд*, *мудор*, *дэмдор* для понимания сущности родовых культов, существовавших в удмуртском традиционном обществе, становится очевидной необходимость упорядочивания существующих мнений. В предлагаемой работе автор постарается привести критический разбор всех когда-либо высказывавшихся суждений относительно интересующих нас слов, после чего предложит свою версию их происхождения.

ВОРШУД – воршуд (*божество домашнего очага, хранитель рода*) (УРС 92).

Проблеме удмуртского *воршуда* посвящено множество работ. Все авторы единодушно в слове *воршуд* выделяют компонент *шуд*, отождествляемый с удмуртским *шуд* ‘счастье’. Гораздо более разнообразны суждения относительно первого элемента, рассматривавшегося в большинстве случаев в качестве определяющего ко второму. Так, в статье «Вотские праздники», написанной ок. 1878 г., но опубликованной на страницах «Вятских губернских ведомостей» лишь в 1898 г., уже после кончины ее автора, некто М. Ф. писал, что слово *воршуд* означает «сильное, великое счастье, понимаемое в смысле ангела-хранителя деревни» (М. Ф. 1898). В своих «Эскизах» Н. Г. Первухин приводит мнение о. Иоанна Утробина, полагавшего, что основным значением слова *воршуд* было «скрытое, спрятанное счастье» (Первухин 1888 : 51). По Б. Г. Гаврилову *воршуд* или, точнее, его синоним *шуд вордйсь* – ‘родоначальник счастья’. Для диалектной формы *вожшуд* тот же автор, исходя из удм. *вож* ‘зеленый, незрелый; в переносном значении: молодой’, предлагал объяснение – «молодое счастье» (Гаврилов 1880 : 160). Напротив, Н. Н. Блинов считал, что «*воршуд* есть испорченное составное слово *вужшуд*, упоминаемое в молитве для определения полноты счастья, необходимого довольства в жизни, в смысле – «как жили в старину счастливо, так и впредь было бы (удм. *вуж* ‘старый’)» (Блинов 1898 : 15). Однако наибольшее распространение в тех или иных вариациях получило озвученное Н. Г. Первухиным мнение, что первая часть термина связана с удмуртским глаголом *вордыны* в значении ‘хранить, оберегать, держать в тайне’, а в целом слово *воршуд* означает ‘счастье

охраняемое' (Первухин 1888 : 50-51).

Пересмотреть устоявшиеся взгляды попытался В. К. Кельмаков. На основании зафиксированной Н. Г. Первухиным формы обращения к духу-покровителю *шудэ-ворэ*, в которой обе части, по мнению В. К. Кельмакова, получают притяжательный суффикс 1 лица единственного числа, им было высказано предположение, что термин *воршуд* представляет собой композит, образовавшийся в результате слияния двух синонимичных слов – *шуд* 'счастье' и семантически близкого ему корня *вор* «который по какой-то причине вышел из употребления» (Кельмаков 1979 : 203). Однако подобная трактовка представляется излишне надуманной. Появление весьма редкой и узколокальной формы *шудэ-ворэ* вполне объясняется произошедшей перестановкой слогов в деэтимологизированном слове *воршуд*, при сохранении у носителей языка ассоциации первого элемента со словом *шуд* 'счастье'. Причем, можно предположить, что образовавшееся в слове **šudvor* нехарактерное для удмуртского языка сочетание согласных в середине слова было упразднено, возможно, под влиянием притяжательного суффикса -э.

В последнее время проблемой происхождения термина *воршуд* заинтересовалась Т. Г. Владыкина. К сожалению, заявленная в «Программе» III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Сыктывкар, 2004) ее работа «Воршуд: рождение или счастье (этимология и семантика термина)» (Программа 2004), непосредственно относящаяся к предмету нашего интереса, в опубликованных материалах конференции отсутствует. Это заставляет нас обратиться к ее более ранним рассуждениям относительно происхождения слова *воршуд*, содержащимся в примечаниях к одному из томов «Собрания сочинений» Г. Е. Верещагина. Позволим себе привести пространную цитату: «Общепринятым считается мнение о происхождении термина (*воршуд* – В. Ч.) из двух составляющих: *вордыны* – «родить, растить» и *шуд* – «счастье», - однако, по мнению Т. Г. Владыкиной, - более логичным и соответствующим закономерностям языка (sic?! – В. Ч.) представляется сочетание *вордыны* «родить, растить» и *шудыны* «воспроизводить, порождать, рождать» (sic! – В. Ч.) (*воршуд* < *вордйсь-шудйсь* < *вордыны-шудыны*), обе части которого равнозначны в определении процесса воспроизводства рода» (Владыкина 2001: 204). Комментируя приведенный пассаж, необходимо сразу же отметить, что указанное значение глагола *шудыны* 'играть, поиграть' (УРС 506) отсутствует в удмуртском языке, являясь исключительно плодом творчества Т. Г. Владыкиной. Кроме того, ею лингвистически не объяснен заявленный процесс перехода формы *вордыны-шудыны* в *воршуд*. Таким образом, очевиден вненаучный характер предложенной ею «этимологии». Столь же беспочвенной является и

недавняя попытка Г. К. Шкляева (2003 : 126-127) объяснить происхождение интересующего нас слова при помощи внешне созвучного коми *vöršud* ‘лесная удача’, поскольку коми *vör* ‘лес’ соответствует удмуртское *выр* ‘возвышенность, холм’ < прапермского **vōr* ‘возвышенность, покрытая лесом’ (КЭСК 67)

По нашему мнению, слово (имя собственное) *воршуд*, означающее ‘дух родового предка-покровителя’, непосредственно восходит к устойчивому выражению **vordem šud*, на что также указывает отмеченная форма *vordšud* (Munkásci 1887 : 167). В самом названии духа предка-покровителя отразилась идея заботы (удм. *вордэм* < *вордыны* ‘заботиться, оберегать’¹) об умершем предке-родоначальнике, дух которого, по представлениям некрещеных удмуртов, покровительствовал потомкам, «давал счастье – *шуд*» (отсюда, кстати сказать, и его второе название *шуд вордись*, которое можно перевести как ‘одаривающий счастьем’ (букв. ‘рождающий счастье’) (Чураков 2001 : 121–140; его же, 2003)). Таким образом, слово *воршуд*~*вордшуд* является усеченной формой существовавшего некогда устойчивого словосочетания **vordem šud*. Деэтимологизация первого компонента сделала возможным появление форм типа *вожшуд*, *вужшуд*, *шудэ-ворэ* (см. выше).

МУДОР – 1. икона, образ; 2. алтарь воршуда (в моельном шалаше) (УРС 287).

Слово, в форме *mador* (подробнее о данной форме см.: Напольских 2002), впервые фиксируется в известной *Tabula Polyglota* Ф.-И. Страленберга в значении *Gott* (Strahlenberg 1730). Н. П. Рычков и И. Г. Георги, описывая интерьер *куалы* – удмуртского моельного дома, отмечали, что *мудор*’ом называлась небольшая дощечка, которую оба исследователя обозначили словом “жертвенник”, украшенная травой или древесными ветками и особо почитавшаяся удмуртами (Рычков 1770 : 159–160; Георги 1799 : 55). Н. П. Рычков также добавлял: “Они (удмурты – В. Ч.) хранят только одно дерево, стоящее в дремучем лесу, которое избрав их прародители назвали Модором и потомки их довольствуются ветвями на них вырастаемыми” (Рычков 1770 : 161). На основании этого высказывания, а также учитывая, сохраняющийся у современных ему удмуртов культ священных деревьев, И. Н. Смирнов склонен был считать, что словом *мудор* в древности обозначалось священное дерево, ветвями которого украшали полочку в *куале*, на которой, как правило, находился *воршудный короб* (Смирнов 1890 : 217). Позднее

1 Ср. значение основы *ворд-*: «Сьёлта-бакатыр кема улійз на, ас удмурт калыксэ коть кыче тушмонлэсь утьса, **вордса**» – «богатырь Селта долго еще жил, свой удмуртский народ от всяких врагов, защищая, **оберегая**» (по: Munkásci 1887 : 63)

этой же версии придерживались А.Хямяляйнен (1960 : 93) и В.Е.Владыкин (1994 : 147, 288). Изначальное значение интересующей нас лексемы указанными авторами не раскрывалось. Другой исследователь удмуртской этнографии конца XIX в. П. М. Богаевский, обращая внимание на синонимичность у удмуртов некоторых районов слов *мудор* и *воршуд*, полагал, что исходным значением слова *мудор* было 'край земли' (< удм. *му* 'земля' + *дор* 'край' – В.Ч.), причем под последним понимался берег той или иной почитаемой удмуртами реки (Богаевский 1888 : 26; его же, 1890 : 83). Посетивший в 1911 г. удмуртов финский исследователь У. Хольмберг писал: "Первоначальное значение слова лучше всего выясняется из существующего в некоторых местностях обыкновения именем *мудор* называть ту золу, которая берется с очага старой куалы, так, что самое слово *мудор* буквально означает земную почву" (Holmberg 1914 : 74; цит. по: Емельянов 1921 : 52). Наконец, с утверждением в среде удмуртов христианства термин *мудор* стал употребляться в значении 'икона, образ'. Этот сдвиг значения, очевидно, и был отмечен Ф. И. Страленбергом у северных удмуртов, которые гораздо ранее своих южных соплеменников подверглись христианизации.

Отмеченная в работах XVIII – начала XX вв. многозначность слова, а также возобладавшая в удмуртской этнографии концепция изначальной «матриархальности» удмуртского общества (критику см.: Чураков 2003; его же, 2005), послужили причинами для появления в середине XX в. весьма сомнительных этимологий. Так, по мнению А. Ф. Трефилова *мудором* назывался «передний угол» *куалы*, само же слово "можно перевести: «место обиталища матери». Это наименование было перенесено на условную центральную точку родовых земель из общественного понятия «му» матери, как центральной фигуры родового коллектива" (Трефилов 1951 : 66-67). Развил эту точку зрения М. Г. Атаманов, считающий, что термин *мудор* означает "дом матери-прародительницы" (< *му* 'женщина-мать' + *дор* 'дом, обиталище') (Атаманов 2001 : 19). Якобы в прошлом, в период "матриархата", так должны были обозначать культовую постройку, на смену которой позднее пришла *куала*. Несостоятельность обеих гипотез вскрывается не только изначально неверным подходом к проблеме удмуртской родовой организации, но и апелированием к несуществующей и никогда не существовавшей в удмуртском языке лексеме *му*, которой указанными авторами предписывается значение 'мать'. Также мы не можем признать убедительной версию предложенную Н. И. Шутовой, по мнению которой "мудор – *му* 'земля, участок земли' и *дор* 'край, сторона, родина, родной дом' может предположительно означать родная сторона, место обитания (рода – В.Ч.)" (Шутова 2001 : 228). В данном случае, как и с случае с последней по времени точкой зрения

В. Е. Владыкина, полагающего, что слово *мудор* означает «край» или даже «центр Земли» (Владыкин 2003 : 25), мы имеем дело с простым подбором указанными авторами соответствующих слов удмуртского языка, в ходе которого ими не был учтен весь комплекс представлений, связанных с анализируемым понятием.

Между тем, как нам представляется, первоначальное значение слова *мудор* (< му 'земля, почва' + имя-послелог *дор* 'у, возле, около чего-либо'², т.е. '[находящийся] у земли' = «очаг») весьма прозрачно, учитывая ту роль, которую играет очаг родового святилища и зола из него в религиозных представлениях удмуртов. «Главную святыню в куа считают: очаг, находящаяся в нем зола и цепь, висящая над очагом. Тот, кто уходит на сторону, непременно должен взять с собою золы из очага, иначе его покинет шуд – счастье (читай: дух-покровитель *воршуд* ~ *шудвордӱсь* – В. Ч.)», – обобщает наблюдения исследователей П. Н. Луппов (1899 : 29). Теснейшая взаимосвязь основного сакрального центра куалы, именовавшегося иносказательно *мудор*, с обрядами, связанными с почитанием *воршуда* – духа-покровителя рода, в условиях отсутствия четкой, письменно зафиксированной регламентации обрядовой стороны религиозного культа, объясняет произвольное смешение представлений об этих двух явлениях и, как следствие, параллельное употребление терминов для обозначения материальных предметов их олицетворяющих в отдельных говорах удмуртского языка.

ДЭМДОР – блески (*нагрудное украшение; металлический жетон с изображениями на обеих сторонах*) (УРС 133).

Самый термин в литературе не подвергался специальному этимологическому анализу, пожалуй, единственное, на что обращалось внимание в отдельных публикациях, это наличие фонетического варианта *дэндор*, в котором отразилось закономерное междиалектное чередование *м~н* (ГСУЯ 46). Между тем, на возможное исходное словосочетание, непосредственно послужившее основой для образования данного слова указывает характер использования обозначаемого им предмета. Приведем наиболее раннее и, пожалуй, наиболее подробное описание *демдора* данное в середине XIX в. С. Н. Курочкиным, утверждавшим, что все описанные

2 Исследователи, рассматривавшие слово *мудор* в качестве составного, при этимологизации компонента *-дор*, как правило, обращались к удм. *дор* 'край, сторона; родина, родной дом'. Между тем, в пермских языках, по мнению Ю. Вихмана, существовало два схожих слова: первое со значением 'берег, край' и второе, означавшее 'вблизи, близко' (ср. удм. и к. послелог *дор*- 'к, у, вблизи, около'), которые в дальнейшем «слились в одно слово вследствие близости значения и звучания» (Лыткин 1964 : 81, Wichmann 1924 : 188).

им виды дэмдоров он видел лично: «Дендор, слово вотское, означает шелех, род монеты. Дендоры были медные, иногда полуженные, круглые, величиною с серебряный рубль и менее. На одной стороне их изображались иногда цветы, иногда птицы, гады, солнце и месяц. Но по большей части на дендорах представлялся всадник странного вида, на коне, у которого хвост имел вид копья. Вотяки говорили, что это их бог. Они во время жертвоприношений прикрепляли дендор к полице молитвенного шалаша и, стоя перед ним в колпаках, кланялись» (Курочкин 1852 : 129). В конце XIX в. ряд исследователей также отмечали, что в некоторых местностях у удмуртов сохранялся обычай ношения на одежде неких небольших орнаментированных металлических пластинок, называемых дэмдор~дэндор, которые якобы свидетельствовали о родовой принадлежности носивших их людей (Первухин 1888 : 23; Верещагин 1995 : 210; Смирнов 1890 : 96-97). Кроме того, указанные авторы подчеркивали, что в ряде случаев термин дэмдор заменялся на *воршуд*, в чем, безусловно, следует видеть факт переноса названия родового духа-покровителя на материальный предмет, символизировавший о принадлежности человека к конкретному роду. Итак, факт того, что дэмдор носился на одежде позволил автору предположить, что одним из первоначальных обозначений указанных пластинок было устойчивое словосочетание **derem dor*, где дэрем 'рубаша' + имя-послелог дор (см. выше *му-дор*), т.е. '[предмет, находящийся] у *рубашки*', которое впоследствии упростилось до *демдор* (Чураков 2003 : 5), подобно тому как это произошло и с устойчивыми словосочетаниями *пересь атай* 'отец отца (букв. *старый отец*)', *пересь анай* 'мать отца (букв. *старая мать*)', от которых в результате выпадения слога *-ре-* произошли усеченные формы *песятай* и *песянай* (Сий 1998 : 194). Типологически удм. дэмдор можно сопоставить с рус. простонародным *нательник*, *тельник* – «нательный крестик» (т. е. *некий предмет* (в данном случае крест) «носимый на себе, на теле, шее, на груди» (Даль 1914 : 888)).

Сокращения

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962; КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970; УРС – Удмуртско-русский словарь. Москва, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г. 2001, По следам удмуртских воршудов, Ижевск.
Блинов Н. Н. 1898, Языческий культ вотяков, Вятка.
Богоевский П. М. 1888, Очерк быта Сарапульских вотяков. –

Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. 3, Москва, 14–64.

– – 1890, Очерки религиозных представлений вотяков. – Этнографическое обозрение, Кн. IV, № 2, 77-109.

В е р е щ а г и н Г. Е. 1995, Собрание сочинений, т. 1, Ижевск.

В л а д ы к и н В. Е. 1994, Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, Ижевск.

– – 2003, Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и..., Ижевск.

В л а д ы к и н а Т. Г. 2001, Примечания. – В е р е щ а г и н Г. Е. Собрание сочинений, т. 4, кн. 1, Ижевск.

Г е о р г и И. Г. 1799, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2, Санкт-Петербург.

Г а в р и л о в Б. 1880, Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний, Казань.

Д а л ь В. И. 1914, Толковый словарь живого великорусского языка, Санкт-Петербург.

Е м е л ь я н о в А. И. 1921, Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков (перевод книги: N o l m b e r g U. 1914, Permalaišten uskonto, Porvoo), Ижевск.

К е л ь м а к о в В. К. 1979, [рец.] М.Г.Атаманов, Этнонимы удмуртов в топонимии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1978. – СФУ XV, 202-206.

К у р о ч к и н С. Н. 1852, Древние вотяки на Вятке, или некоторые черты образа жизни их // Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная, № 16, 126-130.

Л у п п о в П. Н. 1899, Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в., Санкт-Петербург.

Л ы т к и н В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.

М. Ф. 1898, Вотские праздники. – Вятские губернские ведомости, № 9.

Н а п о л ь с к и х В. В. 2002, К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга. – LU XXXVIII, № 1, Tallinn, 33-49.

П е р в у х и н Н. Г. 1888, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Эскиз I, Вятка.

П р о г р а м м а 2004 – Программа III Всероссийской научной конференции финно-угроведов «история, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов», 1-4 июля 2004 г., Сыктывкар.

Р ы ч к о в Н. П. 1770, Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг., Ч. 1, Санкт-Петербург.

С и й Э н и к о 1998, Термины родства и свойства в удмуртском языке. Будапешт.

Смирнов И. Н. 1890, Вотяки, Казань.

Трефилов А. Ф. 1951, О древности удмуртов. – Записки НИИ при СМ УАССР, Вып. 15, Ижевск.

Чураков В. С. 2001, Южные удмурты в X – середине XVI века (проблемы социально-политической истории). Рукопись диссертации на соиск. научн. ст. канд. ист. наук. Ижевск.

– – 2003, К критике воршудной теории. – Финно-угроведение, № 2, Йошкар-Ола, 3-18.

– – 2005, Происхождение названий удмуртских родов. – LU XLI, № 1, Tallinn, 43-57.

Шкляев Г. К. 2003, Очерки этнической психологии удмуртов, Ижевск.

Шутова Н. И. 2001, Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования, Ижевск.

H o l m b e r g U. 1914, Permalaisten uskonto, Porvoo.

H ä m ä l ä i n e n A. 1960, Der voršud-mudor-kult der wotjaken. – Emakeele seltsi aastaraamat, Kt. VI, Tallinn, -95.

M u n k á c s i B. 1887, Votják népköltészeti hagyományok, Budapest.

S t r a h l e n b e r g P H . - J . 1730, Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm.

W i c h m a n n Y. 1924, Etymologisches aus den permischen sprachen. – FUF XVI, 185-212.

V. S. ČURAKOV (Iževsk)

REVIEW OF ETYMOLOGIES OF UDMURT WORDS

ВОРШУД, МУДОР, ДЭМДОР

The article is about history of studies of Udmurt words *воршуд* ‘guarden spirit of kin’, *мудор* ‘cinders; place for sacrifice; holy tree; icon’, *дэмдор* ‘breast decoration’. In author’s opinion the word *воршуд* came from the word combination **vordem šud* ‘happiness (*šud*) which should be taken care of’. Polysemantic word *мудор* (< *tu* ‘soil; ground’ and *dor* ‘near’) meant in the beginning ‘something near of ground’ that is ‘hearth of sanctuary’ The word *дэмдор* rises to the word combination **derem dor* (< *derem* ‘dress’ and *dor* ‘near’). It meant ‘some thing worn on the dress’.

В.С.Чураков © 2006
«Удмуртология» © 2006